

НА ПУТИ К «СТАЛИНСКОЙ МОДЕЛИ» СОЦИАЛИЗМА: РЕЗОЛЮЦИЯ ИНФОРМБЮРО «О ПОЛОЖЕНИИ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ» ОТ ИЮНЯ 1948 Г. И РЕАКЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)

Г. П. Мурашко

Мурашко Г. П. На шляху до «сталінської моделі» соціалізму. Резолюція Інформбюро «Про становище в Комуністичній партії Югославії від червня 1948 р. і реакція чехословацького суспільства (За матеріалами російських архівів). У статті розглядається політична атмосфера в Чехословаччині в 1948–1949 рр. На основі нових матеріалів російських архівів розкривається реакція різних верств чеського суспільства, показано зусилля партапарату по реалізації резолюції.

Ключові слова: Чехословаччина; Югославія; Компартія Чехословаччини; колективізація.

Мурашко Г. П. На пути к «сталинской модели» социализма: Резолюция Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» от июня 1948 г. и реакция чехословацкого общества (По материалам российских архивов). В статье рассматривается политическая атмосфера в Чехословакии в 1948–1949 гг. На основе новых материалов российских архивов раскрывается реакция различных слоев чешского общества, показаны усилия партаппарата по реализации резолюции.

Ключевые слова: Чехословакия; Югославия; Компартия Чехословакии; коллективизация.

Murashko G. P. On the Way to “Stalin’s Socialism”: the Cominform Resolution “Concerning the Situation in the Communist Party of Yugoslavia” (June 1948) and Reaction of the Czechoslovak Society (according to the Materials of Russian Archives). The article analyses the political atmosphere in Czechoslovakia in 1948–1949. Basing on the new materials from Russian archives the author uncovers the reaction of the various layers of the Czech society to this document and describes the actions of the national communist leadership in realization of the resolution.

Keywords: Czechoslovakia; Yugoslavia; the Communist party of Yugoslavia; collectivization.

«Архивная революция» в России, развернувшаяся с начала 90-х годов XX века, сделала доступными для историков, занимающихся проблемами новейшего времени, целый ряд фондов центральных архивов. Речь идет, прежде всего, о ряде фондов в Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве новейшей истории, Государственном архиве Российской Федерации и Архиве внешней политики Российской Федерации, долгое время хранившихся под грифом «секретно». У исследователей появилась возможность по-новому увидеть и оценить многие важные события нашего недавнего прошлого. Одним из таких ключевых событий XX века стал советско-югославский конфликт 1948 г., оказавший прямое влияние на процессы политического развития региона, перешедшего в сферу влияния СССР по итогам Второй мировой войны. В данной статье делается попытка рассмотреть реакцию общественных настроений в Чехословакии на принятый Коминформбюро документ «О положении в Коммунистической партии Югославии».

Для исследователей уже давно не является секретом, что еще в мае 1946 г. И. В. Сталин в беседе с польскими лидерами Б. Берутом и Э. Осубко-Моравским активно развивал идею, что строй, установленный в Польше после ее освобождения Советской армией, является новым типом демократии. «Она, – весьма настойчиво подчеркивал Сталин, – не имеет прецедентов. Ни бельгийская, ни английская, ни французская не могут братья Вас в качестве образца. Ваша демократия особая... Демократия, которая установилась у Вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, – это демократия, которая приближает Вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя. Ленин вовсе не говорил, что нет других путей построения социализ-

ма, кроме диктатуры пролетариата, наоборот он допускал возможность перехода к социализму путем использования таких учреждений демократического строя, как парламент и другие институты»¹. Мысль, что пути к социализму не обязательно должны идти через советскую систему и диктатуру пролетариата, в течение 1946 г. неоднократно звучала в беседах и интервью И. В. Сталина с другими политиками разных уровней².

Однако, на рубеже 1947–1948 гг. в его позиции происходит крутой поворот. К концу 1947 г. по мере того как американская сторона через реализацию «плана Маршалла» стала интенсивно укреплять свое присутствие в Европе, для И. В. Сталина и советского руководства все более очевидным становился происходивший поворот вправо в общественных настроениях Западной Европы. Об этом убедительно свидетельствовали такие факты, как осложнение отношений между коммунистами и социалистами в Италии, поражение финской компартии на выборах в Сейм и уже совершенно неожиданный для Москвы выход коммунистов из состава правительства во Франции. Эти новые обстоятельства не могли не порождать в Кремле определенных опасений возможности поворота к западному варианту развития в общественных настроениях части стран, оказавшихся по итогам Второй мировой войны в сфере влияния СССР.

Подобные опасения имели свою реальную почву, особенно если принять во внимание те весьма немаловажные изменения в социальной базе компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые четко обозначились уже в первый послевоенный год. Бывшие до войны в большинстве стран региона мелкими периферийными политическими образованиями, к концу 1946 – началу 1947 г. компартии в части европейского континента, перешедшего в сферу влияния СССР, превратились в массовые, при том, что важно отметить, не только за счет социально слабых групп населения. Их ряды пополнялись представителями интеллигенции и других средних слоев общества. Результатом такой интенсивной и социально разнородной массовизации в компартиях все более отчетливо стало проявляться и многообразие взглядов как в восприятии самих идей социализма, так и в вопросах тактики перехода к новому строю.

Новой политической реальностью для советского руководства стало и нарастающее противостояние с бывшими союзниками по антифашистскому блоку. Эта все четче вырисовывающаяся к концу 1947 г. перспектива поставила перед советским руководством в качестве первоочередной задачи необходимость скорейшего создания «лагеря социализма» с центром в Москве как «крепости», способной противостоять капиталистическому миру. В складывающихся новых условиях еще недавно активно предлагаемая И. В. Сталиным концепция множественности «национальных путей к социализму» стала рассматриваться руководством ВКП(б) как не сопрягающаяся со складывавшейся реальной ситуацией.

Об этом наглядно свидетельствовал тот факт, что уже с конца 1947 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) под руководством М. А. Суслова развернулась весьма интенсивная работа по подготовке аналитических материалов с оценкой деятельности коммунистических партий стран рассматриваемого региона. При этом советской стороной ничуть не скрывалась четко заданная критическая направленность проводимого в Москве анализа, о чем весьма убедительно говорили сами названия готовящихся документов: «Об антимарксистских установках руководителей компартий Югославии в вопросах внешней и внутренней политики», «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и венгерской коммунистической печати», «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР», «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии»³. Последний документ особенно интересен тем, что в нем на основе подробного анализа деятельности руководства КПЧ давался разбор «ошибок», вытекающих именно из ориентации «в теории и на практике на особый мирный путь к социализму». Опыт КПЧ расценивался составителями документа как «сползание на позиции мирного вращивания капитализма в социализм»⁴. Они, детально анализируя различные аспекты политической практики КПЧ в 1945–1948 гг., разъясняли, что «...серьезные перемены в политической и экономической структуре чехословацкого общества, значительное полевение трудящихся масс и его непосредственный результат – получение компартией на выборах 1946 г. 40% голосов всех избирателей – все это породило в рядах компартии иллюзии насчет легкости победы социализма в Чехословакии

мирным путем и без классовой борьбы... В своей политической деятельности лидеры КПЧ до последнего времени ошибочно полагали, что «коалиционное сотрудничество» с буржуазными партиями в рамках программы Национального фронта позволит избежать классовой борьбы»⁵. В заключении авторами документа делался весьма жесткий вывод, что руководство КПЧ придерживается антимарксистских установок по вопросу о мирном пути к социализму, явно переоценивает результаты демократических преобразований и недооценивает сил реакционной буржуазии и помещиков и сохранявшейся в их руках экономической базы, «скатывается на порочный путь соглашательства и различных компромиссов с буржуазными партиями»⁶.

Отказ советского руководства от концепции национальных путей к социализму, четко обозначившийся на рубеже 1947–1948 гг., по существу ставил руководителей компартий региона перед необходимостью полной идентификации своих национально-государственных интересов с интересами Москвы и блока в целом. Реализацию столь крутого стратегического поворота ЦК ВКП(б) связывал с проведением необходимой ему перестановки кадров в руководящих структурах компартий. В формирующейся новой политической элите ведущее место Москва явно отдавала теперь сторонникам форсированного развития по советскому образцу.

Созданному еще осенью 1947 г. на совещании коммунистических и рабочих партий в Шклярской Порембе Коминформбюро (в него наряду с представителями ВКП(б) входили руководители всех компартий региона, кроме Албании, а также лидеры компартий Италии и Франции) в планах Москвы отводилась особая роль. Необходимость его создания стала особенно очевидна после того как часть лидеров восточно-европейских компартий (В. Гомулка, К. Готвальд, Г. Георгиу-Деж) не спешили формулировать свою позицию по некоторым проблемам, связанным с трактовкой модели формирующегося «социалистического лагеря». Советское руководство в своих планах рассчитывало на реализацию жесткой иерархической модели с единым центром в Москве. Созданный в Шклярской Порембе новый коллективный орган, по замыслу Москвы, и должен был стать действенным орудием по приведению интересов всех стран региона к единому с Советским Союзом знаменателю.

«Резолюция Коминформбюро о положении в Югославии»⁷, принятая в июне 1948 г. на заседании в Бухаресте, рассматривалась советским руководством как прямой инструмент воздействия на руководство компартий региона. Руководство КПЮ обвинялось в том, что оно в основных вопросах внешней и внутренней политики поводит неправильную линию, представляющую собой отход от марксизма-ленинизма. Оно якобы противопоставило себя ВКП(б) и другим компартиям, входящим в Информбюро, встав на путь откола от единого социалистического фронта против империализма, на путь измены делу международной солидарности и перехода на позиции национализма. «ЦК КПЮ ставит себя и Югославскую Компартию вне семьи братских компартий, вне единого коммунистического фронта, и, следовательно, вне рядов Информбюро»⁸.

В связи с этим для стран региона в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) был специально разработан перечень проблем, по которым руководство каждой компартии должно было извлечь конкретные уроки из ошибок, допущенных лидерами Компартии Югославии. В документе, предназначенном для руководства КПЧ, на первое место был поставлен вопрос о необходимости четкого определения роли рабочего класса и компартии в системе народно-демократического государства. В нем отмечалось, что «стремление к количественному увеличению партии в ущерб ее качественного состава ведет к принижению руководящей роли партии, к ослаблению всех других организаций рабочего класса и, следовательно, к ослаблению и обезоруживанию пролетариата... Тот факт, что в новых условиях партия не ограничивает себя от тех, кто мог ослабить ее боевитость, вызывает серьезные опасения за идейное и организационное состояние КПЧ»⁹.

Второй урок, который, по мнению составителей документа, предстояло руководству КПЧ извлечь из принятой Информбюро резолюции, заключался в проведении марксистско-ленинской политики по отношению к крестьянству, «поскольку руководство КПЧ не имеет программы по крестьянскому вопросу на основе марксистского анализа классовых сил в деревне... В области сельского хозяйства земельная реформа, оставшаяся в руках крестьян надель до 50 га, при высокой интенсивности сельского хозяй-

ства Чехословакии не затрагивает интересов кулачества и не подрывает окончательных основ капитализма в деревне. Поэтому партия должна готовиться к неизбежной борьбе против кулачества, должна готовить рабочий класс для мобилизации его сил на помощь трудовому крестьянству»¹⁰.

Еще один урок, который весьма настойчиво рекомендовалось извлечь руководству КПЧ из принятой на совещании Коминформбюро «Резолюции по Югославии», заключался в необходимости исправления ошибок, допущенных в решении национального вопроса. Руководство КПЧ, как отмечалось в документе, с самого начала освобождения страны от немецкой оккупации в разрешении вопроса о немцах и венграх выступало с общих позиций с лидерами буржуазных партий. «Исходным положением в отношении неславянских меньшинств являлось убеждение в необходимости создания Чехословакии, как государства двух славянских народов – чехов и словаков... Эта точка зрения, – подчеркивалось в документе, – во всех последующих высказываниях как лидеров КПЧ, так и лидеров буржуазных партий объяснялась стремлением руководства КПЧ укрепить в чехословацком народе мнение о компартии, как последовательном «защитнике» коренных интересов республики в этом вопросе. Тем самым ленинско-сталинские принципы национальной политики, – делали вывод составители документа, – были подчинены мнимым «общим интересам с буржуазией, что неизбежно привело к тому, что компартия оказалась вынуждена идти в национальном вопросе под одним знаменем с буржуазией»¹¹. При этом составители документа умалчивали о том, что проект Кошицкой программы, где положение о послевоенных судьбах немцев и венгров было зафиксировано, получал в процессе его разработки одобрение советской стороны¹². Теперь же, в изменившейся ситуации, руководство КПЧ упрекалось в том, что оно, «забыв указания тов. Сталина, не сумело разглядеть того очевидного факта, что внутренняя реакция умышленно вела политику преследования немцев и венгров. Руководство КПЧ забыло указания тов. Сталина о том, что подобная политика преследовала цель отвлечь внимание трудящихся масс от необходимости проведения решительной чистки государства от реакционеров и предателей чехословацкого народа»¹³.

Завершался рассматриваемый документ, являвшийся по сути дела проектом корректировки политического курса КПЧ, заключением: «налицо имеется ряд ошибочных положений в практической деятельности и теоретических установках партии, которые требуют начала борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории и повышения уровня идеологической работы среди членов партии. Общий же вывод по извлечению уроков руководством КПЧ из ошибок ЦК компартии Югославии сводился к следующему: путь к решению поставленных задач следует искать во всестороннем использовании опыта ВКП(б) и необходимости критической переоценки прошлой деятельности КПЧ.

Сопоставление этого документа с подготовленным еще в апреле 1948 г. материалом «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии», о котором говорилось выше, позволяет сделать вывод, что корректировка политического курса компартий была задумана Москвой раньше, на рубеже 1947–1948 гг., а возникший советско-югославский конфликт рассматривался теперь в Кремле как важнейший инструмент реализации своих планов по созданию «социалистического лагеря», противостоящего империализму.

Публикация «Резолюции Информбюро о положении в Югославии» 29 июня 1948 г. как в руководстве и аппарате ЦК КПЧ, так и в чехословацком обществе в целом, вызвала шок. Ч. Цисарж, являвшийся в рассматриваемые годы сотрудником идеологического отдела ЦК КПЧ, вспоминая в своих мемуарах ситуацию, сложившуюся летом 1948 г., отмечал: «Обвинения звучали неубедительно, ведь Югославия, возглавляемая Тито, всеми воспринималась как страна наиболее преданная, наиболее близкая Советскому Союзу. А теперь она вдруг становится “буржуазной республикой”? Или даже “колонией империализма”? К чему приведет призыв Информбюро “сменить ведущих руководителей Югославии”, создать “новое интернациональное руководство”? Дело дойдет до распада СКЮ или к гражданской войне? Никому не могло придти в голову, что Сталин может вводить в заблуждение или что он разыгрывает продуманную политическую игру... Мы предполагали, что речь идет о недоразумении, которое будет разрешено в ходе дискуссии...»¹⁴.

Настроения, описанные Цисаржем в его «Воспоминаниях», подтверждаются информацией, которой советское посольство в Праге располагало в июне–июле 1948 г. Тогда

второй секретарь посольства Н. Г. Новиков с тревогой сообщал в Москву, что для «молодежи и широких масс населения Чехословакии резолюция Информбюро компартий о грубых ошибках СКЮ явилась полной неожиданностью. До этого в Чехословакии считали, что Югославия в политическом развитии после 1945 г. намного впереди, чем Чехословакия. До февральских событий чехословацкие коммунисты ставили Югославию в пример политического сотрудничества партий в Народном фронте Югославии. В связи с этим Тито создали большую популярность в Чехословакии. После опубликования резолюции Информбюро некоторая часть чехословацкой молодежи скептически относится к обвинениям, выдвинутым в резолюции против руководства КПЮ. Неблагоприятный отклик получило коммюнике среди значительной части чехословацких студентов...»¹⁵.

Уже 28 июня 1948 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПЧ, на котором Генеральный секретарь ЦК Р. Сланский сделал доклад о результатах заседания Коминформбюро. Президиум ЦК КПЧ единогласно высказал свое полное согласие с резолюцией Информбюро «О положении в компартии Югославии». 2 июля 1948 г. на заседании Президиума ЦК компартии Словакии был обсужден доклад ее председателя В. Широкого. Президиум компартии Словакии также высказал свое полное согласие с обсуждаемым документом. Центральные органы Компартии Чехословакии – газеты «Руде право» (Прага) и «Правда» (Братислава) – опубликовали «Коммюнике о совещании Информбюро коммунистических партий» и резолюцию «О положении в коммунистической партии Югославии».

В Информационной записке о мероприятиях, проведенных Компартией Чехословакии в связи с принятой Резолюцией, поступившей в Москву по линии Коминформбюро, сообщалось: «Никаких других решений ЦК компартии Чехословакии, нацеливающих партию на конкретные выводы для своей теоретической и практической работы, опубликовано не было. Уделяя большое внимание сообщениям об откликах других партий, газеты “Руде Право” и “Правда” в первые дни ограничились лишь одной статьей секретаря ЦК КПЧ по пропаганде тов. Бареша “Ответственность югославских коммунистов”, помещенной всеми газетами в качестве передовой. Но в этой статье, являющейся директивной статьей ЦК КПЧ, не дается критического анализа и практической деятельности партии...»¹⁶.

В течение всего лета из Праги в Москву направлялась информация о ходе обсуждения резолюции Информбюро о Югославии в областных и районных комитетах, местных и фабрично-заводских организациях КПЧ. «Принятые в парторганизациях резолюции целиком поддерживают резолюцию Информбюро. Многочисленные собрания на заводах в Праге, Брно, Моравской Острове, Злине и других городах резко осудили руководство КПЮ» – сообщалось в итоговой информационной записке, подготовленной Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) в октябре 1948 г.¹⁷.

В качестве образца принимаемых резолюций автор информационной записки приводит фрагмент резолюции, принятой на партийной конференции в г. Мост: «Мы полностью согласны с Резолюцией Информбюро о положении в КПЮ и обязуемся еще больше укреплять идеологическое и организационное состояние наших рядов, чтобы партия шла уверенно вперед, верная принципам марксизма-ленинизма»¹⁸. Однако составитель информации, а им был А. Антипов – сотрудник ОВП ЦК ВКП(б), один из авторов ранее упоминаемого документа «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии» – вынужден был констатировать, что в ходе обсуждения принимались и другие резолюции, «страдающие политической близорукостью и наивностью, написанные в умоляющем тоне и призывающие Тито опомниться и признать свои ошибки»¹⁹. Партийная печать, прежде всего газеты «Руде право» и «Правда», развернули кампанию по пропаганде резолюции Информбюро. На их страницах выступил ряд известных политиков, таких как Бруно Келлер, Эдо Фриш, Вилем Новы и др. Но, тем не менее, в Москве было отмечено, что ни председатель партии К. Готвальд, ни генеральный секретарь ЦК КПЧ Р. Сланский не сформулировали публично своей позиции. В разгар всей этой пропагандистской кампании они упорно хранили молчание. Поэтому неудивительно, что в аппарате ЦК ВКП(б) был сделан вывод: «Мероприятия, проведенные компартией Чехословакии в связи с Резолюцией Информбюро “О положении в компартии Югославии” недостаточны. Они не мобилизуют всей партии на активную борьбу за укрепление народно-демократической республики, не обеспечивают воспитания коммунистов в духе

марксизма-ленинизма, в духе большевистской нетерпимости ко всякого рода уклонам и извращениям революционной теории. Эти мероприятия не организуют подлинно партийной критики имеющих место в КПЧ ошибочных теоретически-установочных положений»²⁰.

Каковы же в реальности были результаты по созданию в стране «антититовской» атмосферы? Они отнюдь не были однозначны...

«Для нас югославские коммунисты стали предателями. Троцкизм, который до того времени оставался для меня скорее академическим понятием, приобрел новый конкретный облик: политика Тито – преследование настоящих коммунистов – троцкизм у власти»²¹. Это фрагмент из воспоминаний одного из известных в 50–90-х годах XX в. исследователей истории международного рабочего движения историка М. Гаека, который в 1948 г., как молодой коммунист, был преподавателем краевой партшколы КПЧ. Его свидетельство отражало настроения той части молодых членов КПЧ, которые составляли основу ее низовых идеологических звеньев.

Но в послевоенном чехословацком обществе были и другие настроения, о которых по дипломатическим каналам также шли сообщения в Москву. Например, советское посольство уже в своей первой информации от 29 июня 1948 г. о реакции чехословацких военнослужащих на публикацию резолюции Информбюро отмечало, что в этой среде резолюция вызвала «всеобщее изумление, а у некоторых офицеров даже испуг и опасение в отношении перспектив», а также «сомнения в отношении того, что ситуация [в Югославии – Г. М.] была точно такой, как это указывается в резолюции Информбюро»²². «Для чехословацкой молодежи и для широких масс населения Чехословакии Резолюция Информбюро явилась неожиданностью, на Тито втайне многие смотрели как на героя, достойного подражания. Многие из руководящих лиц или близко к ним стоящих хотели бы чувствовать себя поменьше связанными с Москвой», – сообщал в своей информации из Праги уже почти год спустя корреспондент ТАСС Медов²³.

Но, пожалуй, наиболее ярко выраженным свидетельством сохранявшейся популярности Тито в чехословацком обществе, особенно в рабочей среде, стало сообщение агентства ТАНЮГ о состоявшемся в Праге в помещении Торгпредства ФНРЮ 22 мая 1949 г. общественном собрании, посвященном юбилею маршала Тито. В нем, отмечалось в сообщении, приняли активное участие «70 человек чехословацких гостей, в большинстве рабочих. Специально на торжество прибыла делегация из г. Мост. От имени чехословацких рабочих выступил рабочий завода “Чешско-моравска Кольбен-Данек” Мирослав Шик. Он заявил: “Я хочу спросить, почему нас сегодня убеждают, что Тито предал интернациональное рабочее движение и сошел с пути марксизма-ленинизма? Так как известная Резолюция Информбюро мало объясняет это, мы, рабочие и настоящие коммунисты, не верим подобным утверждениям”. Шик далее требовал от чехословацкой печати правдиво освещать события в Югославии, успехи выполнения пятилетнего плана и выражал свое возмущение по поводу того, что чехословацкая печать без всякой причины вдруг резко изменила курс в отношении Югославии и Тито и теперь клеветает на героический народ Югославии, присоединяя свой голос к голосу врагов из всего империалистического лагеря. “Наш рабочий долг, – продолжал он, – и дальше защищать единство пролетариата всего мира. Если наши руководители не смогут найти способа решения этой проблемы, мы ее решим общим трудом на общем строительстве социализма”. “Если бы чехословацкая печать правдиво освещала жизнь югославских народов, – заявил Шик, – то для нас вопрос Югославии не был бы высокой и тайной политикой, как это представляют многие ответственные товарищи, избегая прямых ответов на вопросы”. “Тебе, маршал Тито, – сказал Шик в заключение, – желаем всяческих успехов в дальнейшей работе, а народам ФНРЮ желаем, чтобы Ты долго здравствовал и вел их дальше в борьбе за осуществление наших коммунистических и интернационалистских целей”. Участники торжественного собрания послали Иосипу Броз Тито приветственную телеграмму»²⁴.

Подобные настроения, несмотря на развернутую официальную пропаганду, имевшие место в чехословацком обществе, не могли не оказывать влияния на позиции, занимаемые руководством КПЧ. По-видимому, именно они и определяли ту явную осторожность и сдержанность Сланского, Готвальда и других лидеров КПЧ в публичных оценках «предательской роли клики Тито».

Это обстоятельство не могло не вызывать беспокойства в Москве. В специальной информационной записке, подготовленной в ОВП ЦК ВКП(б) в мае 1949 г., отмечалось, что руководители КПЧ «в своих докладах и выступлениях не делают для себя необходимых выводов из деятельности клики Тито, и не разоблачают перед партией и народом ее троцкистские маневры, не ведут борьбу против нее». И далее следовал вывод: «Руководство компартии придерживается пассивной позиции в вопросе разоблачения югославских националистов и их перехода в лагерь империализма»²⁵.

Для исправления ситуации руководителям КПЧ предлагалось реализовать ряд конкретных мер:

1. Провести в печати и в партийных организациях разъяснительную работу среди членов партии и широких слоев населения «о подлинном облике националистической предательской клики Тито»;
2. Организовать систематическую публикацию в партийной печати материалов, разоблачающих антисоветский троцкистский курс клики Тито. При этом особенно настойчиво подчеркивалась необходимость выступлений как в печати, так и на собраниях руководящих деятелей компартии Чехословакии;
3. Под руководством и контролем ЦК КПЧ предлагалось организовать политическую работу среди югославских эмигрантов;
4. Предлагалось также использовать все средства для ограничения и пресечения антисоветской и антикоммунистической деятельности в Чехословакии «агентов Тито», каковыми считались работники югославского посольства. Советская сторона считала целесообразным так же создать специальную комиссию при ЦК КПЧ для координации всей работы по борьбе против «клики Тито» и определить такой порядок, чтобы все публикуемые материалы в газетах и журналах, радио передачи, а также выступления «на собраниях и митингах, связанных с «кликой Тито» определялись ЦК КПЧ и проводились в соответствии с ее указаниями»²⁶.

Изучение материалов российских архивов, показывает, что «разоблачение» Тито отнюдь не являлось единственной и основной целью принятого Коминформбюро документа. Он нес более глубокий стратегический заряд. Об этом наглядно свидетельствовало пристальное внимание Москвы к тому, как воспринималось содержание «Резолюции» руководством других компартий региона, находящихся в сфере ее влияния. Документ был четко сориентирован «на демонстрацию силы» лидерам тех компартий, которые продолжали в своей практике еще исходить из «концепции мирного пути к социализму».

Первым адресатом здесь и были лидеры КПЧ. Отнюдь не случайно в информации, подготовленной в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) в октябре 1948 г., сообщалось: «Мероприятия, проведенные компартией Чехословакии в связи с Резолюцией Информбюро о положении в Югославии, недостаточны. Они не мобилизуют всей партии на активную борьбу за укрепление народно-демократической республики, не обеспечивают воспитания коммунистов в духе марксизма-ленинизма, в духе непримиримости ко всякого рода уклонам и извращениям революционной теории. Эти мероприятия не организуют подлинно партийной критики имеющихся в КПЧ ошибочных теоретических установок и положений, не развертывают критики и самокритики в рядах партии»²⁷.

Руководство КПЧ, хотя и одобрившее Резолюцию Информбюро по Югославии, находилось в весьма сложной ситуации. В мае 1948 г. в стране была торжественно принята новая конституция, закрепившая победу коммунистов в феврале 1948 г. Анализ основных статей этого документа показывает, что он базировался на определении народной демократии как пути к социализму «без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя». В конституции законодательно закреплялось право частной собственности на землю с максимальным наделом 50 га. Установленный размер, как было известно Москве, являлся «компромиссной цифрой в предложениях парламентской комиссии по аграрной реформе еще задолго до февральских событий»²⁸. Право владения ремесленными предприятиями ограничивалось количеством наемных рабочих до 50 человек.

Именно эти требования, выдвинутые коммунистами еще в апреле 1947 года, обеспечили КПЧ массовую поддержку крестьянства и средних городских слоев в февральском противостоянии 1948 г. Выполнение их, теперь уже официально закрепленных новой

конституцией, естественно, рассматривалось руководством КПЧ как важнейшее условие продвижения страны к социализму на базе широкого экономического союза со средними слоями общества. Данный курс и должен был составлять одну из принципиальных основ всей послефевральской политики КПЧ.

В ситуации же, порожденной нарастающим противостоянием Москвы с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, началом «холодной войны» и последовавшей сменой Кремлем стратегического курса, выразившегося в отказе от концепции множественности путей к социализму, руководство КПЧ было поставлено перед необходимостью разработки новых концептуальных подходов в отношении средних слоев общества. Аппарату ЦК уже летом 1948 г. было предложено подготовить рабочий материал для обсуждения принципов в отношении крестьянства. Однако, требуемую Москвой форсированную реализацию поворота в аграрной политике и скорейшего перехода к коллективизации деревни весьма затрудняло то весьма немаловажное обстоятельство, что подавляющая часть руководства ЦК КПЧ, находившаяся в годы войны в СССР, была хорошо осведомлена о катастрофических последствиях советской коллективизации. Лидеры КПЧ отнюдь не горели желанием перенести этот тяжелый опыт на родную почву. Наличие таких настроений позже подтверждала М. Швермова как один из секретарей ЦК КПЧ, входивших в «практическое руководство партии»²⁹.

Весьма сдержанная позиция руководителей КПЧ – как председателя партии К. Готвальда, так и ее генерального секретаря Р. Сланского, явно избегавших летом и осенью 1948 г. публичных оценок советско-югославского конфликта и выдерживающих паузу по вопросам корректировки стратегического курса – по-видимому и побудила Москву провести зондаж политических настроений в руководстве КПЧ. Доказательством чему и являлся «случай Кольмана».

Арношт Кольман – «интернационалист» времен гражданской войны, проживший в СССР около 30 лет, член ВКП(б), активно участвовавший в 30-х гг. XX века в утверждении «марксистской идеологии» в советских общественных науках, был в 1945 г. направлен в Прагу. Работал в ЦК КПЧ, возглавлял отдел пропаганды. В начале сентября 1948 г. им была подготовлена статья «За большевистскую критику в нашей коммунистической партии Чехословакии», предназначенная для публикации в журнале КПЧ «Творба». В ней Кольман утверждал, что в новых условиях КПЧ «не отвечает многим требованиям марксистско-ленинской партии»³⁰. Причину этого он видел в том, что «практическое руководство партии [Р. Сланский, М. Швермова, Г. Бареш – Г. М.] не сосредоточило свое внимание на рабочем классе, на рабочем ядре, которое одно лишь может составлять хребет партии, а позволили, чтобы это ядро было в значительной степени оттеснено на задний план за счет буржуазных элементов»³¹. По мнению автора, задача, поставленная тов. Готвальдом, завоевать большинство народа, была практическим руководством неправильно понята и осуществлялась ценой идеологических уступок и отступлением от ленинских принципов»³². Основным выводом Кольмана указывал на наличие в руководстве партии «право-оппортунистических ошибок». Заканчивалась статья призывом «наша партия не только должна, но и может полностью без оговорок осуществить самую широкую и самую глубокую самокритику в своих рядах. У нее имеется здоровое рабочее ядро (с ним вместе значительная часть партийной интеллигенции), здоровое большинство руководящих кадров... У нее имеется в лице тов. Готвальда верный ученик Сталина, который, как председатель и идеолог нашей сильной партии, партии Фучика и Швермы и как глава государства приведет нас к социалистической республике»³³.

Еще до публикации статьи Кольман выступил с докладом на эту тему на собрании парторганизации идеологического отдела ЦК КПЧ. Суть выступления сводилась к тому что «в практическом руководстве партии налицо право-оппортунистические ошибки».

Выступление Кольмана, как и планируемое появление статьи в печати, было отнюдь не случайно. Оно приурочивалось к моменту, когда К. Готвальд отправится в Крым, где предполагалась его встреча со Сталиным. Для советского руководства, по-видимому, было важно иметь представление о степени единства в руководстве КПЧ и определить свои возможные действия. Однако, предпринятая Кольманом попытка обозначить наличие в руководстве КПЧ «право-оппортунистического» (читай бухаринского) уклона встретила единодушный отпор членов Президиума ЦК. На специальном заседании 16 сентября

1948 г. выступление Кольмана было оценено как «вредное и фракционное». Ему была запрещена не только публикация статьи, но и категорически не допускались какие-либо публичные выступления с пропагандой своих взглядов³⁴.

Находившийся в Крыму К. Готвальд уже 17 сентября был информирован о принятом Президиумом ЦК КПЧ решении. Он использовал его в беседе со Сталиным, которая состоялась 22 сентября 1948 г. В ходе ее обсуждался и вопрос о необходимости поиска врагов внутри партии. По воспоминаниям Хрущева, Сталин якобы предлагал своему собеседнику пригласить с этой целью советских советников³⁵. Однако реакция членов Президиума ЦК КПЧ на доклад Кольмана стала для Готвальда в ходе беседы со Сталиным весьма весомым аргументом в доказательстве того, что внутри правящей группировки в Чехословакии нет в данный момент каких-либо концептуальных противоречий и противостояний.

Тем не менее встреча Сталина и Готвальда в Крыму дала определенные результаты. Руководству КПЧ было предложено, не отказываясь от ориентации на мирный путь к социализму, все же внести некоторые коррективы в свою политику. Речь шла в частности о том, чтобы, признав тезис об обострении классовой борьбы, оно приступило к проведению политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов и классовой чистке государственного и экономического аппарата страны путем замены старого чиновничества рабочими кадрами³⁶. Это был совет, который руководство КПЧ вряд ли могло игнорировать.

Через два месяца после беседы в Крыму, 17–18 ноября 1948 г., состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором Готвальд выступил с докладом о хозяйственном положении и задачах развития страны на данном этапе развития. В нем были определены девять задач, которые, по мнению руководства ЦК, предстояло решить, «чтобы обеспечить предпосылки дальнейшего скачка к социализму в деревне»³⁷.

Информируя Москву, советское посольство воспроизвело следующим образом соответствующий фрагмент из доклада К. Готвальда: «Во-первых и прежде всего, мы должны обеспечить и улучшить снабжение, особенно питание, окончить двухлетку и начать пятилетний план.

Во-вторых, мы должны при выкупе сельскохозяйственных продуктов в деревне обращать внимание на то, чтобы больше давали крупные хозяйства, с целью обеспечить положение бедняцких хозяйств. Практически так нужно проводить ограничение и вытеснение капиталистических элементов и в политике налогов, и в политике установления цен, пайков и т.д.

В-третьих, мы должны при распределении хозяйственных запасов в первую очередь удовлетворять рабочих за счет паразитов. Мы должны отказаться от уравниловки и постепенно переходить к системе дифференцированных пайков, пока карточная система будет необходима, пока предметы широкого потребления не поступят на свободный рынок.

В-четвертых, мы должны в деревне обеспечить, расширить и укрепить материально-техническую базу в форме густой сети государственных тракторных станций и общественных пунктов для откорма свиней, рогатого скота и домашней птицы.

В-пятых, мы должны в деревне среди крестьян поддерживать всякого рода кооперативное движение, особенно кооперативные производственные товарищества, и во что бы то ни стало постараться, чтобы в этих кооперативах решающий голос имел не деревенский богач, а бедный и средний крестьянин.

В-шестых, мы должны со всей решительностью добиваться выполнения всех государственных и общественных повинностей остатками капиталистических элементов в городе и деревне, а в случаях обнаружения антигосударственной и вообще противозаконной деятельности этих элементов налагать на них наказание имущественного характера.

В-седьмых, мы должны провести реформу и реорганизацию общественного управления на основе районных национальных комитетов, ввести во всех секторах новый порядок в согласии с новой конституцией и стремиться к тому, чтобы народно-демократический государственный аппарат стал мощным рычагом при социалистическом переустройстве общества.

В-восьмых, мы должны обучить наш партийный, профсоюзный, управленческий, культурный, охранительный аппарат и военные кадры с тем, чтобы они выделялись

высокими специальными знаниями и в то же время овладели наукой всех наук, искусством всех искусств – марксизмом-ленинизмом.

В-девятых, мы должны укрепить преобразованный Национальный Фронт сверху до низу, сознавая, что преобразованный Национальный Фронт, в котором реакция уже не будет иметь легальной трибуны, как это было до февраля, останется и далее формой нашей общественной жизни на пути к социализму.

Вот несколько задач, которые мы должны решать сейчас, чтобы быть в состоянии решить еще более важные далеко идущие задачи»³⁸.

Таким образом, Готвальдом обществу была предложена продуманная программа совершенно конкретных, четко сформулированных мер, которая могла положительно быть воспринята значительной частью населения страны. Их реализация, с точки зрения руководства КПЧ, давала возможность постепенного продвижения к новой экономической и политической организации общества.

Как же реагировала советская сторона на решения ноябрьского пленума ЦК КПЧ? Если судить по материалам, поступавшим в Москву из советского посольства с начала 1949 г., то не трудно заметить, что сформулированный К. Готвальдом курс был воспринят советскими дипломатами с явным опасением ввиду того, что «умолчание о неизбежности коллективизации в ЧСР» может вызвать серьезные ошибки и подорвать доверие к народно- демократическому строю. В частности в информациях, направляемых из советского посольства на имя министра иностранных дел Вышинского в мае 1949 г., уже после принятия закона о создании единых сельскохозяйственных кооперативов³⁹, сообщалось: «В Чехословакии запрещается даже упоминать слово “коллективизация” в печати, на собраниях, в беседах. Руководящим началом этого считается место из речи Готвальда на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ. Он тогда, говоря о политике партии в деревне, утверждал: “В нашей экономической политике вообще и в земельной в особенности остается в силе предупреждение, что всякая спешка нанесла бы только вред. Сейчас на повестке дня стоит ограничение и вытеснение капиталистических элементов в деревне и в городе. Видеть что-нибудь другое и говорить о чем-нибудь другом было бы неверно”. Эта установка не говорить о коллективизации принята как директива и проводится повсюду... В такой политике, – делался вывод советским посольством, – заложена опасность потери доверия народа в связи с явным разрывом между политикой и практикой ее проведения»⁴⁰.

В поступавшей из посольства в Москву информации отмечалось также, что чехословацкая пресса до последнего не публиковала антититовских материалов и мало оказывалось помощи антититовцам в Праге. Было также зафиксировано, что на ноябрьском пленуме Готвальд «говорил о Резолюции Информбюро и о положении в Югославии только в связи с вопросом о политике КПЧ в деревне, об отношении к капиталистическим элементам в деревне, причем о «клике Тито» вообще не было сказано ни слова, выражение употреблялось лишь «руководители Югославии»⁴¹.

Таким образом, материал, хранящийся в российских архивах, позволяет говорить о том, что начавшийся в 1948 г. советско-югославский конфликт для лидеров КПЧ, вопреки расчетам Москвы, отнюдь не стал катализатором полного и безоговорочного принятия сталинской модели «ускоренного построения социализма».

Но вместе с тем нельзя не видеть, что по мере его углубления и нарастания противостояния Иосипа Броз Тито нажиму Москвы, для советской стороны открывались реальные возможности ужесточить свой контроль за процессом формирования новой политической элиты в регионе. Советская сторона получала реальный шанс путем перестановки ключевых фигур в руководящем звене правящих коммунистических партий добиться искоренения «ненужного инакомыслия» под предлогом чистки «коммунистического движения от врагов и агентов Тито». Именно этот процесс и стал рассматриваться Москвой как одна из важнейших задач в деле укрепления позиций формирующегося «социалистического лагеря». Начиналось время внутривластных политических репрессий под флагом борьбы «против титовских агентов, проникших в руководство компартий», «против шпионов и агентов империализма» и т.п. Провозглашенным девизом развития становился лозунг «Советский Союз – наш пример». Идеи поисков национального пути к социализму ушли в историю.

- ¹ См.: Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 / Отв. ред. Г. П. Мурашко. – Т. 1 (1944–1948). – Москва–Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – С. 457–458.
- ² Подробнее эти сюжеты см.: *Волокитина Т. В.* «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы 1944–1948. – М.: Университет, 1998. – С. 50–51.
- ³ См.: Восточная Европа в документах российских архивов... – Док. № 267, 269, 272, 274.
- ⁴ Там же. – С. 831.
- ⁵ Там же. – С. 833.
- ⁶ Там же. – С. 840.
- ⁷ Подробный анализ создания этого документа см.: Югославия в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2011. – С. 573–584.
- ⁸ Цит. по: Югославия в XX веке... – С. 583.
- ⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 575, оп. 1, д. 50, л. 45, 47.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, л. 50.
- ¹² См.: Восточная Европа в документах российских архивов... – Док. 54.
- ¹³ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 50, л. 51.
- ¹⁴ *Císař Č. Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara.* – Praha: Sin Con, 2005. – S. 280.
- ¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0138, оп. 29, д. 11, л. 2.
- ¹⁶ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 112, л. 9–10.
- ¹⁷ Там же, л. 10.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, л. 21.
- ²¹ *Hájek M. Paměť české levice.* – Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2011. – S. 142.
- ²² АВП РФ, ф. 0138, оп. 29, п. 150, д. 31, л. 78.
- ²³ АВП РФ, ф. 0135, оп. 229, п. 147, д. 2, л. 70–71.
- ²⁴ РГАСПИ, ф. 575, оп. 229, п. 147, д. 2, л. 70–71.
- ²⁵ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 87, л. 57, 59.
- ²⁶ Там же, л. 60.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 112, л. 21.
- ²⁹ См.: *Jech K. Kolektivizace a vyhánění sedláků z půdy.* – Praha: Vyšehrad, 2008. – S. 56–57.
- ³⁰ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 68, л. 4.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, л. 5.
- ³³ Там же, л. 7.
- ³⁴ Подробнее реакцию на выступление Кольмана см.: *Císař Č. Paměti. Nejen o zákulisí Pražského jara...* – S. 306–308.
- ³⁵ См.: Воспоминания. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. – 1994. – № 6. – С. 108–109.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ АВП РФ, ф. 0138, оп. 30-б, п. 242, д. 8, л. 223.
- ³⁸ Там же, л. 223–224. (Перевод с чешского языка сделан, по-видимому, составителем данной справки – Г. М.)
- ³⁹ Закон был принят 23 февраля 1949 г.
- ⁴⁰ АВП РФ, ф. 0138, оп. 30-а, п. 179-а, д. 18, л. 5.
- ⁴¹ РГАСПИ, ф. 575, оп. 1, д. 87, л. 58.